

ШАХОВСКИЙ В. И.

ЗНАЧЕНИЕ И ЭМОТИВНАЯ ВАЛЕНТНОСТЬ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА И РЕЧИ

В отечественной лингвистике общепризнанным является положение о влиянии функциональной стороны языка на его организацию и развитие: язык живет и развивается в речи [1, с. 6]. Это положение, как и тезис об онтологическом единстве рационального и эмоционального в мышлении (что находит свое лингвистическое выражение в диалектическом единстве и взаимодействии денотативных и эмотивных аспектов значения) являются отправными позициями в исследовании феномена эмотивной валентности.

Согласно теории психологической базы эмоций, всякая речевая деятельность по своей природе эмоциональна. Другое дело, что эта эмоциональность не обязательно должна быть всегда явной для окружающих. Исходя из тезиса о психологической структуре значения [2], можно утверждать, что семантическая система каждого слова имеет поле, состоящее из всевозможных ассоциаций. Это те самые «тысячи нитей», которыми данное слово связано с другими словами и понятиями (Ш. Балли) и которые формируют его импликационал [3, с. 24, 121] и эмоционал (совокупность сем языковой единицы, соотносящаяся с эмоциями говорящих, которые употребляют данную языковую единицу в эмоциональной речи).

Установлено, что эмотивные семы (далее — эмосемы) могут вступать в разнообразные отношения с денотативными семами [4, с. 82—89]. Так, например, в речевых контекстах денотативные семы могут приобретать иную референтную соотносительность, что приводит к смысловому приращению слова за счет появления в нем эмосем, которые расширяют семантическую валентность слова и, соответственно, границы его семантического согласования, т. к. у него появляется дополнительная, новая, эмотивная валентность.

Семантический процесс перехода сем из одного статуса в другой при формировании эмотивного аспекта значения (коннотации) слова на базе метафорического переноса [5] можно схематически показать на примере предикатного ЛСВ₂ слова *vegetable*, который прошел сложный путь формирования [6, с. 56]: замена классемы и архисемы у ЛСВ₁ («овощ»), ослабление дифференциальных сем, отражающих родовые особенности слова, актуализация потенциальной семы «пассивность», которая в предикатном ЛСВ₂ («нехороший человек») приобретает ранг дифференциальной и вводится в семантический фокус интенционала. На этой ступени в импликационале ЛСВ₂ «возбуждается» сема качественной характеристики, т. е. оценочная сема, маркирующая это значение отрицательным знаком, а в эмоционале появляются (актуализируются) сема экспрессивности (образности) и эмосема, которая обуславливает в данном слове появление эмотивной валентности. Эта валентность и объясняет структуру предложений типа: *He is a vegetable*. Ср.: «Я уже многоуважаемый шкаф, а ты еще можешь что-то сделать» (А. Крон, Бессонница).

В теории валентности слова аксиоматичен тезис, согласно которому первичным соединительным звеном между стыкующимися смыслами сочетаемых языковых единиц являются семы. В этом плане и говорят о семантическом уровне валентных отношений [7, с. 147, 152]. Этот тезис, как предполагается, справедлив не только для денотативного аспекта значения, в сфере которого он был выведен и получил подтверждение, но

и для коннотативного (эмотивного). Предполагается, таким образом, что каждое слово в потенции может иметь эмотивную валентность, значимую для его сочетаемости с другими словами. М. Д. Степанова и Г. Хельбиг подчеркивают тесную связь между валентностью и семным составом слова. Полагаем, что этот тезис справедлив и для эмотивной валентности, формируемой виртуальными или актуальными эмосемами языковых единиц.

Целью данной статьи является исследование эмотивной валентности, ее лингвистическое обоснование и выявление коммуникативной значимости. Под эмотивной валентностью понимается способность данной лингвистической единицы вступать в эмотивные связи с другими единицами на основе явных или скрытых эмосем и, тем самым, осуществлять свою эмотивную функцию. Идея эмотивной валентности является дальнейшим развитием тезиса о закономерности эмоционально-экспрессивного и экспрессивно-стилистического согласования языковых единиц в речевой цепи [8, 9].

На данном этапе исследования эмотивной валентности мы исходим из предположения, что среди составляющих компонентов значения лингвистических единиц имеются эмосемы. Достаточно наличия в значении языковой единицы всего лишь одной из них, пусть даже скрытой, чтобы эта единица в потенции имела возможность когда-то ее реализовать, и потому такая единица характеризуется как эмотивно валентная. Эта валентность объясняет, с одной стороны, всякие «неожиданные», оригинальные, даже «невероятные» сочетания, типа русск. *тоска зеленая*, *желтенькая жизнь*, англ. *hair-butcher* «парикмахер», *nut-doctor* «психиатр». А с другой стороны, она объясняет тот факт, что некоторые сочетания, возможные на логико-семантическом уровне, оказываются невозможными на коннотативном из-за не стыкующихся друг с другом эмосем. Например, словосочетание *половодье войны* противоречит кругу ощущений, закрепленных в русской поэтической традиции, и является примером «авторской глухоты» к коннотативным нормам сочетаемости. А вот еще один пример из того же автора — поэт И. Лепина — «певцу (петуху). — *III. В.)* хозяйка порешила горло» (ЛГ, 1982, 27 янв.). Коннотативный аспект значения слова *порешить* указывает на неестественность его сочетания со словом *горло* (ор. *порешить* «окончить дело»: *на том и порешили* «согласились»). Нередко, однако, эта неестественность сочетаний ослабляется стилистической намеренностью.

Словари новых слов и значений [10] отмечают бурный рост образований с префиксом англ. *anti-* (русс. *анти-*). Сравнение Материалов Большого англо-русского словаря и Дополнения к нему обнаружило, что к 80 уже имевшимся в английском языке дериватам с этим префиксом до 1963 г. добавилось более 40 новых. Корпус английских неологизмов с инвариантным значением «that which rejects or reverses the traditional characteristics of», которое вычленено из дериватов с *anti-*, включает следующий набор денотативных варьирующих сем: «destroy, oppose, reduce, eliminate, prevent; antagonistic, hostile, combat, counteract, directed against, an opponent of, counterpart to/of; discourage, reject». Способом вертикальной конверсии из этого префикса в современном английском языке образовано самостоятельное слово *anti*, имеющее стилистическую помету «разг.» в значении «оппозиционер, оппозиционно настроенный человек» и помету «жарг.» в значении «противоракетный снаряд». Аналогичный процесс вертикальной конверсии (эмотивной лексикализации) произошел и с префиксами *super-* и *ex-*. Например: «Randy Shepherd isn't my husband. He is my ex» (R. Macdonald, The Goodbye look).

При такой лексикализации в семантике деривата появляется эмосема, открывающая у него и у самого префикса эмотивную валентность, которая позволяет «расшатывать» нормы их сочетаемости, и тогда появляются такие эмотивно окрашенные дериваты, как в примерах, приводимых ниже: «The antihero, the antiplay and the antitheatre production... seems to set up an antiaudience» [10, с. 42], «Почему вернулся Неруда из Парижа, который он так любит? Когда я спросил его, что случилось, он ответил: „Я — антикрыса“. Я тогда не сразу сообразил. Теперь я пони-

маю. Это же очень просто... Крысы бегут с тонущего корабля, а Пабло вернулся на корабль» (Е. Евтушенко, Ягодные места). Эти и им подобные случаи эмотивно-оценочно-экспрессивной номинации могут быть объяснены эмоциональным намерением говорящего и употреблением эмосем в значении их непосредственно составляющих. Аналогично эмосема за счет функционального фактора, актуализуясь в предложном слове *при*, «разрешает» эмотивно окрашенные словосочетания, например: «Она вовсе не походила на категорию девочек „п р и“ — п р и актерах, п р и писателях, п р и спортсменах, п р и космонавтах» (Е. Евтушенко, Ягодные места). Здесь этот предлог выполняет функцию эмотивного префикса.

В принципе, если возможно эмоционально-оценочное отношение человека ко всем предметам окружающей действительности, то из этого следует, что в значении слов, называющих эти предметы, имеются такие микрокомпоненты, которые по необходимости через сложную систему переходов могут трансформироваться в эмосемы. Как показывают лингвистические исследования, значение не имеет жестких и четких границ [3, с. 23—24], семантическая система слова может видоизменяться и охватывать огромное множество ситуаций и контекстов, в том числе и эмоциональных (Э. С. Азнаурова, М. В. Никитин, В. Н. Телия, Д. Н. Шмелев и др.).

Рассмотрим подробнее несколько примеров, показывающих, как эмосемы могут становиться превалирующими в значении слова и потому актуализирующими эмотивную валентность единицы. Пример 1. Дано два понятия: 1) «дом небольшого размера» и 2) «домик» (приятный, хороший, т. е. дом, который нравится). Статистически доказано, что для выражения первого понятия слово *house* будет сочетаться с прилагательным *small* или другими его нейтральными синонимами, передающими значение объективной малости, а для выражения второго понятия — с прилагательным *little*, передающим значение эмотивной оценки. В значении слова *house* имеется потенциальная сема размера. Сема размера представлена также и в значениях прилагательных *little* и *small*. Категория размера, как известно, оценочная, поэтому во всех рассматриваемых единицах имеется и потенциальная сема оценки. В словосочетании *small house* объединяются семы размера и семы объективной оценки. А в случае *little house* на базе сем размера сочетаются семы эмотивно-субъективной оценки. Дифференциальная эмосема, закрепленная в одном из ЛСВ *little*, индуцирует потенциальную эмосему у слова *house*, открывающую у него эмотивную валентность.

Пример 2. Рассмотрим английское сочетание *nice house*. Наблюдения показывают, что аналогичные сочетания с эмотивно-оценочными прилагательными невозможны с прилагательным *small*. Сочетание **small nice house* не отмечено в текстах (обычно *little nice house*). Таким образом, можно констатировать, что именно наличием эмосемы в значении *little* объясняется тот факт, что если перед определяемым существительным уже стоит одно или несколько эмотивно-оценочных прилагательных, в семантике которых тоже имеется эмосема, то «срабатывают» избирательная и притягивающая функции этих сем: семантически солидарные, в данном случае эмотивные, семы «притягиваются» друг к другу и открывают эмотивные валентности этих трех единиц, позволяющие им соединиться. Ненужные для данной речевой ситуации семы «погашаются» (нейтрализуются) и не вовлекаются в работу.

На вполне естественный в данном случае вопрос: почему же у *small* не индуцируется эмосема и не открывается эмотивная валентность, если потенциально это возможно для всех единиц языка, ответом мог бы быть известный для лингвистов закон дистрибуции М. Бреаля. Другими словами, эмотивная валентность языковых единиц оказывается точкой пересечения ряда регулирующих закономерностей, запрещающих (разрешающих) ее актуализацию в той или иной речевой ситуации.

Пример 3. Ср. сочетание *salad days* в значении «the happy days of one's youth», «days of careful inexperienced youth» («My salad days when I was green in judgement...» (W. Shakespeare, Anthony and Cleopatra)

с его значением «hot summer days when you enjoy eating fresh cool salad» [11 с. 269]. При употреблении в переносном значении слово *salad* «открывает» эмотивную семантическую валентность, которая из потенциальной ингерентной становится актуальной. У слова *day* эмотивная валентность — адгерентная, вызванная извне.

Благодаря эмотивной валентности происходит дифференциация сочетаний единиц языка и на морфологическом уровне. Ср.: *girl* / *like*, *girl* / *ish*; *women* / *like*, *woman* / *ly*, *woman* / *ish*. Эти три суффикса синонимичны по семе «подобие». Но у *-like* и *-ly* эта сема нейтральна, а у *-ish* она эмотивно окрашена, т. е. слита с эмосемой отрицательного оценочного знака. Поэтому дериваты *woman* / *like* и *woman* / *ish* имеют различные сигнификаты: «факт подобия» в первом случае и отрицательное эмоциональное отношение к «факту подобия» во втором. Употребление того или иного деривата, таким образом, зависит от намерения говорящего: констатация факта или эмоционально-оценочное отношение к нему. Это различие отражено в различной форме слов, иначе говорящие не дифференцировали бы их. Сочетание морфем *girl-*, *woman-* с суффиксом *-ish* можно объяснить, вероятно, тем, что в их семантических системах имеются потенциальные эмосемы, которые, сочетаясь с эмосемой суффикса *-ish*, тем самым открывают эмотивные валентности этих морфем. В случаях с *-like* и *-ly* эта валентность у морфем *girl-* и *woman-* не реализуется, т. к. здесь ведущей является денотативная сема подобия, согласующаяся не с эмотивными, а с денотативными семами валентностных партнеров.

В сфере эмотивной валентности весьма распространено семантическое явление, дополнительно влияющее на сочетаемость языковых единиц. Так, эмосемы ряда суффиксов (*-y*, *-ling*, *-nik* и др.) соотносятся с двумя полярными зонами шкалы эмоциональных оценок. Ср.: *soft* / *ling*, *hire* / *ling*, *weak* / *ling* и *child* / *ling*, *dear* / *ling*; аналогично: *daft* / *y*, *smart* / *y*, *soft* / *y* и *aunt* / *ie*, *bird* / *ie*; подобным же образом *beat* / *nik*, *jazz* / *nik*, *protest* / *nik*, с одной стороны, и *goodwill* / *nik*, с другой, где выделенные суффиксы реализуют в разных дериватах полярную (амбивалентную) эмотивность. Следовательно, имея в потенции эмотивную амбивалентность, эти суффиксы с разными валентностными партнерами варьируют свою эмотивную валентность по типу оценочного знака. Аналогичное явление наблюдается и на лексико-семантическом уровне языка. Ср.: 1) *little nice girl* «хорошенькая девчужка» и 2) *little lousy girl* «гнусная, отвратительная девка». Предметно-логическую сему малости у прилагательного *little* сопровождают амбивалентные эмосемы: эмосема₁ — «хорошенький, миленький» (т. е. эмосема положительной оценки — восхищение, одобрение) и эмосема₂ — «жалкий, презренный» (т. е. эмосема отрицательной оценки — неодобрение, осуждение). В семном наборе прилагательного *nice* имеется эмосема с положительным оценочным знаком, а в семном наборе прилагательного *lousy* эмосема с отрицательным оценочным знаком. Значение существительного *girl* виртуально имеет нулевой оценочный знак, а потенциально это существительное имеет и положительную, и отрицательную эмосемы, т. е. оно в потенции амбивалентно.

Сочетание эмосем в рассматриваемых двух случаях варьирует так, что оценочный знак у эмотивности «семантического выхода» зависит от типа эмотивной валентности контактного атрибутивного компонента *nice*, *lousy*. Эмосемы этого компонента индуцируют в каждом из рассматриваемых случаев адекватную себе эмосему у субстантивного компонента (*girl*). В зависимости от типа знака у эмосемы контактного атрибутивного компонента согласующиеся с ним виртуальные или актуальные эмосемы дистантного атрибутивного компонента и субстантивного компонента словосочетания реализуют в разных случаях только один вариант своей эмотивной валентности. При этом эмотивная валентность контактного атрибутивного компонента выступает в качестве селектора, отбирающего у слов согласующиеся семы и сочетающего их. Она же выступает и в качестве диагностирующей: в семантике словосочетания (на выходе), как уже отмечалось выше, мы получаем соответствующий вариант положительного или отрицательного оценочного знака.

Амбивалентность эмосем выявляет несоответствие между лексической и семантической валентностями, как и полисемия. Ср.: *poor, man* «бедный в материальном отношении» (объективный признак — отсутствие денег), *poor, man* «бедный, т. е. несчастный, жалкий, и потому вызывающий сочувствие» (приписываемый признак), *poor, man* «жалкий, т. е. презренный, ничтожный, и потому не вызывающий сочувствия» (приписываемый эмотивно-субъективный признак, что нередко указывает на полный отрыв значения от денотата).

В этих сочетаниях одна лексическая валентность реализует три семантических: одну предметно-логическую и две эмотивных, которые варьируют свой оценочный знак, т. к. основаны на противоположных качествах эмосем — носителей эмотивных валентностей в слове *poor*. Значение (набор сем) слова *man* не препятствуют такому варьированию, т. к., очевидно, имеет среди своих потенциальных сем и эмотивные, согласующиеся с эмосемами его семантического партнера.

Варьирование знака эмотивной валентности наблюдается не только на внешне одинаковой (*poor man*), но и на различной лексической сочетаемости. Так, в *poor boy* «бедняжка» у слова *poor* реализуется сема сочувствия, т. е. положительной эмотивной оценки: *poor opinion* «скромное, жалкое мнение» (сема отрицательной эмотивной оценки, слабой интенсивности, связь с денотатом слабая, но сохраняется), *poor ten shillings!* «Какже-то жалкие, презренные 10 шиллингов!» (реализуется усиленная субъективная эмотивно-отрицательная оценка, что указывает на полный отрыв значения от денотата, т. к. выражается только эмоциональное настроение говорящего).

Эти примеры говорят о том, что семные наборы валентностных партнеров эмотива *poor* не безразличны для реализации конкретного варианта его эмотивной валентности и что эти сочетания возможны благодаря различиям в типах потенциальных эмосем.

Рассмотренные факты сочетаемости показывают, что единицы языка реализуют свою эмотивную валентность и ее варианты по типу оценочного знака и степени интенсивности как в пределах одной, так и в пределах разных лексических валентностей.

Контекстологи отмечают, что нейтральные слова в определенных контекстах могут «приобретать» эмотивное значение из контекста. Поведение слов в речи указывает на то, что каждое слово — это сложная многоярусная семантическая система, только часть компонентов которой знают все носители языка (инвариантная часть). Ее вторая часть — вариантная — известна разным носителям языка (личностное, индивидуальное знание значения). Кроме этого, в семантике языковых единиц имеются потенциальные семы, которые и составляют перспективу смысловых приращений слова. В таком понимании появление нового оттенка значения или нового значения у языковых единиц — это фактически актуализация, экспликация потенциальных сем данной языковой единицы под воздействием внешних факторов, в том числе и с помощью процесса индуктирования. «Попадание» новых сем в семантическую систему данной единицы надо, видимо, понимать диалектично, а не в физическом смысле: сема X из единицы₂ не переносится в единицу₁, не исчезает из нее при их сочетании, а вызывает к жизни, т. е. индуцирует в единице₁ тождественную себе сему. Другими словами появление актуального значения (оттенка) у той или другой единицы мотивируется семантической системой самой единицы: оно не возникает, а лишь обнаруживается в результате взаимодействия этих единиц.

Роль контекста в этом процессе сводится к экспликации, т. е. к «обнародованию» эмотивных смыслов. Вот почему в результате сочетания единиц, ранее никогда не встречавшихся в речи, оказывается, что получившиеся комбинации мотивированы своими непосредственно и предельно составляющими семами, например: англ. *engineer-drain, horrorama*, русск. квартира-распапонка, и др. Новые, полученные от этих сочетаний эмотивные смыслы, оказываются извлеченными из «мутной семантической среды индивидуальных представлений» [12, с. 149] и из значения

сочетаемых единиц, вербально обозначающих эти индивидуальные представления. Поэтому со «всплытием» потенциальной эмосемы у лингвистической единицы открывается и эмотивная валентность. Примеры сочетаний непредсказуемых и потому, как правило, эмотивных за счет некодированных денотативно-референтных соотношений указывают на тесную взаимосвязь эмотивной валентности и сочетаемости языковых единиц. Сочетания типа: русск. *заякают листья*, *мокроглазить*, англ. *talkative glass*, *eggless affair*, *a looker-forward-toer* возможны только благодаря потенциальной эмотивной валентности их компонентов. Но, появившись в речи и сделав заявку о новой валентности, эти сочетания могут «провоцировать» новые сочетания своих компонентов по принципу аналогии. Это, на наш взгляд, и служит объяснением серий окказиональных эмотивных единиц. Поэтому нельзя категорично утверждать, что в принципе невозможны дериваты типа: *housish*, *tablish*¹ (подобно *girlish*) или словосочетания: *frying pan of city (summer) job* (подобно *frying pan of life*).

Потенциальные эмотивные валентности языковых единиц делают, как следует из изложенного, возможными их окказиональные сочетания как на уровне слов, так и на уровне их элементов (морфем). В этом смысле можно говорить об относительно бесконечной эмотивной валентности. Методологическое подтверждение данной мысли находим в тезисе о бесконечности мышления, отражающего бесконечность окружающей нас действительности, и вытекающее из этого тезиса предположение о бесконечной смысловой валентности [13, с. 6—8]. Эмотивная валентность в описанном выше плане является бесконечной, т. к. бесчисленны типы эмосем, отражающих бесчисленные виды сиюминутных эмоций и их градаций по степени интенсивности, которые мотивируются ситуативным контекстом и индивидуальностью говорящего. Таким образом, мотивирующим фактором создания неожиданных сочетаний языковых единиц является эмоция говорящего. Созидательная сила языка как раз и состоит в «порождении нового смысла в соответствии с конкретным опытом и прагматическими условиями коммуникации» [14, с. 59]. Отсюда и роль индивидуального знания семантических возможностей слова и лингвистической смелости в их реализации.

Существование отрицательных импликационалов [3, с. 124], которые все являются эмотивными (ср. русск. *поморгал ноздрями*, *крик заплесневел*, англ. *melancholy grandeur*, *a damned saint*), может навести на мысль, что эмотивная валентность полностью расшатывает нормы сочетаемости, сметая все ограничения и отменяя понятия нормы. Это далеко не так. На денотативном уровне все факторы, нормирующие сочетаемость единиц, остаются в силе, а на коннотативном (эмотивном) в одних случаях они ослаблены, а в других сама коннотация указывает на их аномальность, т. е. является запрещающим фактором или указывает на эмотивный характер словосочетания: англ. **nice small house*, **lovely possessor of his heart*, русск. **половодье войны*, **порешить горло*, **такое нежное время в текущем бюджетном году* и др. Сколько бы нормы сочетаемости ни расшатывались, имеется порог, за пределом которого некоторые сочетания остаются невозможными.

Итак, проведенное исследование позволяет в рабочем порядке заключить следующее.

1) Среди различных типов валентностей языковых единиц необходимо выделять эмотивную валентность как вариант семантической валентности, т. е. как одну из внутрисистемных предпосылок успешной коммуникации. В большинстве языковых единиц английского языка эта валентность является потенциальной.

2) Актуализация эмотивной валентности происходит через «неожиданные», т. е. непривычные для рамок стандартного кода сочетания, а также через сочетания, в которых один или более валентностных партнеров является эмотивом или когда все они — эмотивы. Устанавливаются три «этажа согласования» эмосем: первый — морфемный, второй — словесный, третий — фразовый. Известно, что и на уровне предложений и текста имеет место эмоционально-экспрессивное согласование, что, видимо,

позволяет говорить о нем как об одной из закономерностей эмотивной прагматики.

3) Потенциальная эмотивная валентность может выступать смыслообразующим фактором и, соответственно, фактором расширения зоны сочетаемости единиц языка.

4) Как показало исследование [15], можно говорить о нескольких планах варьирования эмотивной валентности: а) по типу оценочного знака эмотивности: плюс, минус, амбивалентность (плюс и минус); б) по характеру семантики эмоций в пределах каждого знака: плюс (сочувствие, ласка, нежность и др.), минус (уничтожение, презрение, злость и др.); в) по степени интенсивности эмотивной оценки: слабая, средняя, повышенная, чрезмерная.

5) Эмотивная валентность — важнейший компонент вероятностной системы семантики языковой единицы и наряду с другими потенциальными характеристиками формирует общее поле номинационного потенциала слова и словосочетания. Отсюда логичен вывод об участии эмотивной валентности в эмотивно-оценочно-экспрессивной номинации.

6) Наличие в семантической системе языковых единиц эмотивных смысловых компонентов, эмотивных валентностей, обусловленных этими компонентами, и эмотивной функции, реализующей эти валентности, убедительно указывают на существование эмотивного слоя семантики языка. В данном плане дальнейшее исследование эмотивной валентности может выявить лингвистический механизм речевого феномена «ожидаемая норма ↔ неожиданная сочетаемость».

Объяснением предлагаемой концепции относительно бесконечной эмотивной валентности языковых единиц может являться то, что любой естественный язык — это нечеткая и динамическая система, состоящая из нечетких объектов и их совокупностей и развивающаяся в процессе речевой деятельности. Эта нечеткость обнаруживается в языковом механизме перехода словарного значения в текстовое, когда реализуются в данном контексте не только определенные семы и валентности, уже заложенные в словарном значении, но и практически ничем не ограниченные метафорические сдвиги, выводящие актуальный смысл за пределы границ словарного значения [16, с. 157—189].

Таким образом, потенциальная бесконечность и открытость языковых значений, которые обусловлены динамичностью и метафоричностью языка и бесконечностью человеческого мышления, являются базой для бесконечных смысловых валентностей, в том числе и эмотивных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания. М., 1977.
2. Семантическая структура слова. Под ред. Леонтьева А. А. М., 1971.
3. Никитин М. В. Лексическое значение слова. М., 1983.
4. Sachovskij V. I. Zur linguistischen Analyse von Konnotationen. — In: Wissenschaftliche Zeitschrift. Pädagogische Hochschule Ernst Schneller Zwickau, 1982, Hf. 2.
5. Азнаурова Э. С. Очерки по стилистике слова. Ташкент, 1973, с. 263, 275, 281, 301 и др.
6. Заботкина В. И. Образование новых предикатных лексико-семантических вариантов существительных в современном английском языке: Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Минск, 1979.
7. Степанова М. Д., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. М., 1978.
8. Гак В. Г. Проблемы лексико-грамматической организации предложения: Дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. М., 1967.
9. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. Дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. М., 1969.
10. Barnhart dictionary of New English since 1963. New York, 1973.
11. Wood F. Dictionary of English colloquial idioms. London, 1979.
12. Арутюнова Н. Д. Языковая метафора. — В кн.: Лингвистика и поэтика. М., 1973.
13. Лосев А. Ф. О бесконечной смысловой валентности языкового знака. — ИАН ОЛЯ, 1977, № 1.
14. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. М., 1981.
15. Шаховский В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. Волгоград, 1983.
16. Пиотровский Р. Г. Инженерная лингвистика и проблемы «искусственного интеллекта». — В кн.: Лингвистические проблемы «искусственного интеллекта» (сб. научно-аналитических обзоров). М., 1980.